

психологической защиты и как следствие неспособности совладать со стрессом.

Проведя количественный анализ результатов, мы видим, что более всего данный барьер выражен на втором курсе (среднее значение = 43,6), далее идет первый курс (среднее значение = 41,6) и на третьем курсе (среднее значение = 40,5).

Студенты – первокурсники, будущие социальные работники, среди основных проблем, приводящих к состоянию стресса, отмечают большую учебную нагрузку, строгость преподавателей, сложности с организацией режима дня, сложность экзаменационных испытаний, что приводит к таким состояниям, как страх, тревога, утомление, и как следствие снижение работоспособности. Студенты второго курса отмечают такие проблемы, как наличие большого количества неспециальных предметов, недостаток литературы, а также их излишняя теоретизированность, конфликты в группе, что способствует формированию таких состояний, как монотония, апатия, подавленность. Третьекурсники отмечают такие проблемы, как разочарование в профессии и нежелание учиться, сложность совмещать учебу и работу, и напротив – слишком серьезное и ответственное отношение к учебе, что приводит к состоянию подавленности, безысходности, заторможенности. Студенты пятого курса, направления социальной работы, испытывают такие проблемы, как страх перед будущим, неуверенность в профессиональной компетентности, большая учебная нагрузка, связанная с квалификационными испытаниями и практикой, что приводит к таким состояниям, как тревога, растерянность и др.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что барьер стресса проявляется у студентов, будущих социальных работников, на разных курсах практически в равной степени и является одним

из наиболее часто встречающихся барьеров у студентов, включенных в выборку. Основными же причинами возникновения барьера стресса можно назвать большую учебную нагрузку, сложность экзаменационных испытаний, конфликты в группе, разочарование в профессии, сложность совмещать учебу и работу, страх перед будущим, неуверенность в профессиональной компетентности. Неспособность преодолеть данный барьер ведет к возникновению различного рода негативных состояний, которые, в свою очередь, ведут к проблемам с успеваемостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манина В.А. Психолого-педагогические условия преодоления психологических барьеров у студентов / В.А. Манина // Вестник ОГУ. 2013. - №12(161). С. 46-51.
2. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб. : Прайм-Еврознак ; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 666 с.
3. Воронова О.П., Одокиенко К.В. Стресс как составляющая учебной деятельности студента / О.П. Воронова, К.В. Одокиенко // Международный журнал экспериментального образования. - 2011. - № 8. С. 47-57.
4. Мугиль Ю.В., Спасенкова С.В. Адаптация сельской молодежи в городской студенческой среде: учебное пособие для студентов, вышедших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Социальная работа» / Ю. В. Мугиль, С. В. Спасенкова. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. 140 с.
5. Ким И.О., Минияров В.М., Иванов Д.В. Понятие моральных представлений в отечественной и зарубежной психологии / И.О. Ким, В.М. Минияров, Д.В. Иванов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т 3. № 4. С. 146-150.

ANALYSIS OF STRESS BARRIER RATING SCALE OF STUDENTS MAJORING IN SOCIAL WORK

© 2014

*Manina V.A., teacher of Department of Sociology and Social Work,
Orenburg State Agrarian University, Orenburg (Russia)*

Abstract. This article describes the features of the stress barrier of students majoring in social work. Explicitly stress barrier ranks second that students face throughout their training, and that is one of the most difficult barriers to overcome.

Keywords: psychological barrier; stress barrier; training; students.

УДК 902.62(470.41.5)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА УРАЛЬСКОГО НЕОЛИТА

© 2014

*В.С. Мосин, доктор исторических наук, директор
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (Россия)*

Аннотация. В статье анализируется понятие «социокультурное пространство» применительно к археологии неолита Уральского региона. Рассматриваются основные признаки, по которым можно определять идентичность древних социумов. Основным выводом является положение о том, что неолитическое население в Зауралье, Волго-Уралье и Прикамье представляло собой социальную систему, идентичность и социокультурное пространство которой определялись сочетанием нескольких традиций, характерных для определенных десцендных линий, проявлявшихся в способах подготовки формовочных масс и системах орнаментации керамики.

Ключевые слова: неолит; Урал; социокультурное пространство; идентичность; керамические традиции; социум.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 14-06-00041.

В археологической литературе последнее время часто используется понятие «социокультурное пространство», хотя не встречается достаточно точного его определения. Между тем, для исторической интерпретации археологических исследований очень важно понимание пространственного феномена в культуре социумов, основ и принципов возможных объединений людей древности в социумы разных уровней.

Социокультурное пространство можно соотнести с двумя взаимосвязанными понятиями – «социальное пространство» и «культурное пространство». Под социальным пространством понимается «поле социальной деятельности, включающее совокупность значимых социальных групп, индивидов, объектов в том или ином их взаимном расположении» [1, с. 273]. Социальное пространство – это не физическое пространство, но

оно стремится реализоваться в нём; оно многомерно и включает различные социальные образования, которые взаимодействуют более тесно между собой, и менее – с внешними социумами.

Культурное пространство можно рассматривать как понятие, характеризующее культуру с позиций её расположения и протяжённости, имеющее условные границы, обладающее способностью к изменению, увеличению или сокращению, способное взаимодействовать с другими культурными пространствами. Ю.М. Лотман рассматривал пространство культуры как семиотическое пространство, «пространство общей памяти». Категория пространства непосредственно связана с понятием культуры: «своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство» [2, с. 158–162; 3, с. 149–164].

Таким образом, «социокультурное пространство» является не просто суммой социального и культурного поскольку: «социокультурное пространство» – часть социального; «социокультурное пространство» может выступать частью культурного; «социокультурное пространство» может иметь условные границы, очерченные традициями, а также взаимодействиями коллективов, связанных между собой в социальную сеть родством, свойством и другими социальными, культурными, экономическими и личностными аспектами. Социокультурное пространство должно выступать исходной схемой в реконструкциях и моделировании исторической составляющей археологии, обуславливая связанность, непрерывность, организованность социально-исторического процесса.

Можно выделить три среза социокультурного пространства, которые может анализировать археолог. Это, во-первых, предметное пространство материальной культуры, доступное нам в артефактах, заключенное в физическое пространство и время; во-вторых, символическое пространство духовной культуры, объективированное в ценностях и нормах поведения, в совокупности сакральных, мифологических, закрытых и открытых традиций. Оно доступно нам в типологии каменных орудий и орнаментальных традициях, а также редких предметах искусства, обрядах погребений и святилищах. Такое символическое пространство многомерно и включает несколько традиций, способом существования которых служит диалог внутри каждого социума. В-третьих, пространство социальных отношений, включая экономические, брачно-семейные, дарообменные и т.д., которые наиболее трудны для выявления. Различные слои этого пространства непротиворечиво взаимодействуют, проникают один в другой. Таким образом, социокультурное пространство выступает комплексной детерминантой идентичности расположенных в этом пространстве социумов.

Социокультурная идентичность есть элемент реализации социумом своей определенности в данном пространственно-временном континууме. Сущность данного вида идентичности заключается в принятии соответствующих культурных норм и ценностных ориентации, понимании «своего» с позиции культурных характеристик, на фоне «другого». Содержанием социокультурной идентичности являются культурные и социальные представления, навыки и образцы, разделяемые в той или иной степени членами социумов разных уровней.

Идентичность социума, т.е. его своеобразие на фоне других, можно определить по определенному сочетанию в этом социуме разных традиций, которые доступны нам в артефактах: технологических, морфологических, орнаментальных. Провести детальный анализ технологии изготовления орудий из камня и керамики по одной методике в пределах крупного региона весьма затруднительно, поскольку коллекции находятся в разных городах и в разных условиях хранения. В настоящее время анализ археологических материалов каменного

века, в подавляющем большинстве случаев, проводится с опорой на морфологию (типологию) каменных орудий и традиции орнаментирования керамической посуды, что позволяют сделать существующие публикации.

Как правило, своеобразие того или иного исследуемого поселения определяется по сочетанию разных типов в комплексе найденной керамики. В реальности, состав керамического комплекса и жилища, и поселения, вероятно, зависел от конкретного места в пределах обживаемой территории, хозяйственной принадлежности памятника, состава и целеполагания социума, который оставил этот комплекс и т.д. По сути, керамический комплекс каждого поселения включает в себя посуду, относящуюся к нескольким орнаментальным традициям (которые, как мы думаем, являются отражением традиций десцентных линий), типологически разнообразную, статистически в разном процентном соотношении, но вместе с этим, оставленную все же одним социумом. Определить идентичность социумов можно в пределах, где сохраняются стабильные технологические и типологические признаки в комплексах каменного инвентаря и наборах керамических сосудов, разнообразных в единстве комплексов каждый раз на каждом поселении в силу текучести состава резидентных групп (общин) и широты социальных связей.

Актуальной задачей современной археологии является выявление социокультурных пространств, внутри которых происходили события, дошедшие до нас в артефактах и дающие нам возможность моделировать историю тех или иных древних социумов.

Для выделения социокультурного пространства каждого региона Урала: Волго-Уралья, Прикамья и Зауралья в неолите, нужно выделить ряд основных признаков в материальной культуре, определяющих идентичность социумов указанных регионов. Картографирование комплексов с указанными признаками позволяет определить социокультурные пространства (рис. 1). При этом каждое поселение в пределах этой территории будет отличаться от другого (даже если они одновременны), по процентному сочетанию указанных признаков, поскольку каждая община была центром своих социальных связей, и не было «ядра» культуры, как и не было «центра и периферии».

В настоящее время неолитический период на Урале может быть разделен на два этапа: ранний – конец VII–VI тыс. до н.э. и поздний – V тыс. до н.э. [4, с. 33–48]. Ранний неолит Зауралья представлен кошкинской и козловской традициями. Посуда обеих традиций имеют общую технологическую основу – использование илистых глин с органическим раствором. Некоторые различия в использовании талькодержавного сырья в кошкинской и козловской (кокшаровско-юрьинской) посуде [5, с. 103–124] объясняются тем, что обе традиции формировались как в предгорных районах Зауралья, где распространены тальковые глины, так и в лесостепной части Притоболья, где тальковые породы (хлориты) полностью отсутствуют. Оба типа посуды имеют много общих черт: орнамент нанесен одними техническими приемами – гладким прочерчиванием, отступающими наколами без отрыва орнамента от поверхности, отдельными наколами. Среди орнаментальных мотивов общими являются самые простые: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроникающие треугольники. Принципиально важно то, что оба типа посуды залегают совместно в культурных слоях памятников (Варга 2, Кокшаровский холм). Можно вполне определенно констатировать, что население с кошкинской и козловской традициями применяло одну технологию изготовления керамической посуды и близкие системы орнаментации, имело одну технологическую основу в изготовлении орудий из камня, в один временной промежуток занимало одну и ту же территорию для проживания и, более того, сосуществовало в рамках одного поселения.

Поздний неолит Зауралья представлен полуденско-гребенчатой и басыновско-боборыкинской традициями,

население которых отчасти наследовало предшествующие декоративные традиции и сосуществовало на этой же территории. Так же, как и в раннем неолите, посуда различных гончарных традиций встречается в совместном залегании на одних и тех же поселениях (Краснокаменка, Ук VI и др.). Технологический анализ показал, что навыки составления формовочных масс полуденских гончаров с одной стороны наследуют козловским традициям, с другой - «аналогичны басьяновским, ... сам факт появления новой традиции подготовки формовочных масс ... может указывать на вероятность периода их сосуществования и взаимодействия» [5, с. 122–123]. Из приведенных фактов вытекает вполне закономерный вывод – население и раннего и позднего неолита Зауралья было включено в одно социокультурное пространство с несколькими традициями изготовления керамической посуды.

В раннем неолите Волго-Уралья сосуществовали две традиции изготовления керамической посуды, основанные на применении 3-х технологических принципов: первая – елшанская из илестых глин и с примесью шамота, представленная небольшими тонкостенными профилированными сосудами с приостренной, шиповидной, редко – округлой формой днищ. Внешняя поверхность неорнаментирована или украшена прочерчиванием или отдельными наколами, а также, рядом ямок-жемчужин под венчиком; вторая – плоскодонная с накольчатым орнаментом изготовленная из илов, появившаяся в Волго-Уралье в результате миграции из Нижнего Поволжья, и, которую в дальнейшем стали производить по местным технологиям [6]. В позднем неолите в Волго-Уралье сосуществуют три традиции изготовления посуды: неорнаментированная (вероятно, ее можно называть постелшанской), накольчатая и зубчато-гребенчатая. Часть сосудов сочетают зубчатый и накольчатый орнамент. Социокультурное пространство волго-уральского неолита распространялось от р. Белая на востоке до р. Сура на западе, захватывая лесостепь и северную часть степи, однако, в позднем неолите было нарушено миграционным потоком с юга носителями съезжинских и хвалынских традиций.

Социокультурное пространство Прикамья в неолите занимало обширную зону лесов Предуралья. Ранний неолит Прикамья характеризуется плоскодонными сосудами баночной формы с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой без орнамента, с узором в виде ряда ямочно-жемчужных поясков или оттисками овальной отступающей палочки [7, с. 28–33]. Появление такого комплекса было результатом установления северного направления связей Волго-Уральского населения, непосредственное продвижение или передачу технологических традиций мезолитическому населению Прикамья, что подтверждается результатами технологического анализа [8, с. 33–50]. В конце раннего неолита сосуществуют традиции накольчатой и зубчато-гребенчатой керамики. Поздний неолит ознаменован появлением собственно гребенчатой «классической» посуды камского неолита. Сосуды имеют полуяйцевидную форму с прикрытым горлом, днища приостренные, округлые и округло-конические. Для орнаментации сосудов использовался преимущественно гребенчатый штамп. Можно предполагать, что переход от раннего наколь-

чато-зубчатого комплекса к гребенчатому в Прикамье осуществлялся в результате, как южным связям с Волго-Уралем, так и восточным направлением связей с Зауральем.

Таким образом, неолитическое население Урала в каждом из регионов: Зауралье, Волго-Уралье и Прикамье - и на каждом историческом этапе представляло собой определенное количество общин, которые занимали общую территорию (рис. 1) и были объединены между собой отношениями родства, свойства, обмена, возможно общей мифологией и другими коммуникативными формами и создавали социальную систему. Идентичность этих социумов и их социокультурное пространство определяются системами жизнеобеспечения в рамках вмещающих ландшафтов, своеобразной техникой и технологией, отраженной в специфических комплексах орудий и сочетанием нескольких традиций, характерных для определенных десцентных линий, проявлявшихся в способах подготовки формовочных масс и системах орнаментации керамики. В условиях нередких природных колебаний и стихийных бедствий общины не смогли бы выжить, не опираясь на поддержку и помощь соседних коллективов. В отсутствии серьезных географических барьеров границы социокультурного пространства, по сути, не были обозначены, поэтому мы наблюдаем территории, где традиции «пограничных» социумов носили синкретический (в нашем понимании) характер, но для членов этих социумов являвшиеся «своими». Связи соседних общин перекрывали друг друга во всех направлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.- координатор Г. В. Осипов. М.: ИНФРА-М–НОРМА, 1998. 488 с.
2. Ремизова М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. – Грамота, 2012, № 10 (24), Ч. 1. С. 158–162.
3. Волкова Е.В. Пространство символа и символ пространства в работах Ю.М. Лотмана // Вопросы философии. - 2002. № 11. С. 149–164.
4. Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1(57). С. 33–48.
5. Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Вып. 26 / Отв. ред. Ю.П. Чемякин. Екатеринбург–Сургут: изд-во Магеллан, 2011. С. 103–124.
6. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008. 490 с.
7. Лычагина Е.Л. О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 28–33.
8. Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // ТКАЭЭ. Вып. VIII. Пермь, 2012. С. 33–50.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

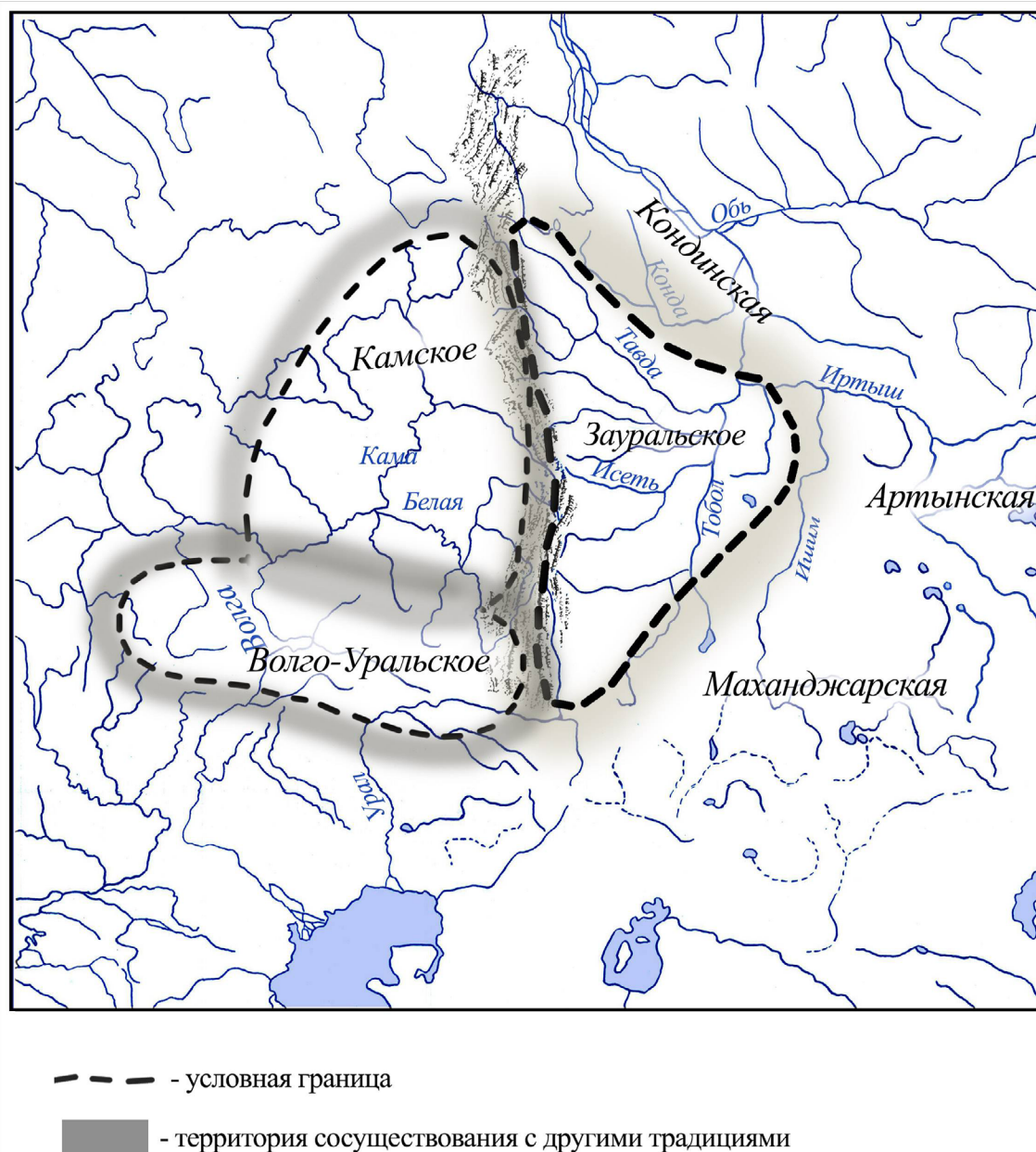

Рис. 1. Социокультурные пространства в неолите Урала

SOCIAL AND CULTURAL SPACE OF THE NEOLITHIC AGE OF THE URAL

© 2014

V.S. Mosin, Doctor of Historical Sciences, Head
South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Abstract. The concept of social and cultural spaces of the Neolithic age of the Ural in archeology is analyzed. The main signs on which it is possible to reveal identity of ancient societies are considered. The conclusion is that Neolithic population in Trans-Urals, Volga-Ural and Kama regions was a social system, identity and social and cultural space of which was identified through combination of several traditions typical for particular descent lines revealed in the ways of preparing clay dough and systems of decorating ceramics.

Keywords: the Neolithic; the Urals; social and cultural space; identity; ceramic traditions; society.